

opusdei.org

Познать Его, познать себя (XII): Души литургической МОЛИТВЫ

Некоторые размышления святого Хосемарии, которые могут помочь нам теснее соединиться с Богом и Церковью в различных литургических действиях.

02.03.2024

На дворе апрель 1936 года, и в Испании царит сильное общественное напряжение. Тем не менее в Академии ДУА старались поддерживать привычную атмосферу учебы и сосуществования. В разгар этих странных дней один из её обитателей рассказал в письме своим родителям, что накануне они с преподавателем репетировали литургическое пение в атмосфере, которая запомнилась ему очень радостной^[1]. В чём же, помимо приятного совместного время препровождения, была причина того, что в этих конкретных обстоятельствах 30 студентов проводили воскресный вечер за уроком пения?

Мы можем найти ответ на этот вопрос, если перенесемся на пару месяцев назад, во время, когда святой Хосемария включил в

учебный план Академии несколько уроков григорианского пения. Хотя мы знаем, что, будучи приходским священником в Пердигере, святой Хосемария обычно служил петые Мессы, их включение в учебный план не было вызвано какими-то личными предпочтениями. Оно также не было вызвано научным интересом, и не было следствием его знаний и развития литургического движения в Испании. Это решение было скорее плодом его пастырского опыта, и было вызвано исключительно желанием помочь молодым людям стать молитвенными душами.

Интересно отметить одну общую деталь трёх инициатив, которыми святой Хосемария занимался в 1930-е годы: все они как раз были направлены на облегчение диалога с Богом. Каждая из них

соответствовала одной из трёх великих форм выражения христианской молитвы. Первая была посвящена личному размышлению, вторая призвана содействовать народному благочестию, а последняя побуждала читателя погрузиться в литургическую молитву. Плодом первой инициативы стали «Духовные размышления», которые легли в основу его известной работы «Путь»; плодом второй – короткая брошюра «Святой Розарий»; а третьей инициативе он планировал посвятить работу под названием «Литургические практики» (исп. *Devociones litúrgicas*). Публикация этой последней работы была запланирована на 1939 год, но по различным причинам она так и не вышла в свет. Тем не менее, всё ещё сохранился пролог к ней, подготовленный епископом Тортосы монс. Феликсом Бильбао

и озаглавленный «Молитесь и молитесь хорошо!». В этом неопубликованном тексте читателям при помощи автора книги предлагается углубиться в Литургию Церкви, чтобы достичь «эффективной, обильной и надежной молитвы, которая бы глубоко соединила их с Богом»^[2].

Дать голос молитве Церкви

Для святого Хосемарии Литургия не была набором предписаний, направленных лишь на придание торжественности определённым церемониям. Он страдал, когда способ совершения Таинств и других литургических действий не служил истинной встрече людей с Богом и другими членами Церкви. Однажды, побывав на Богослужении, он написал: «Много духовенства: архиепископ, капитул каноников, бенефициарии, певчие,

министранты... Великолепные облачения: шелка, золото, серебро, драгоценные камни, кружева и бархат... Музыка, голоса, искусство... Но... без народа! Великолепные службы без народа»^[3].

Этот интерес к участию народа в Литургии глубоко богословский. В литургических действиях Троица взаимодействует со всей Церковью, а не только с одной из её частей. Не случайно большинство размышлений, которые святой Хосемария посвятил в «Пути» Литургии, находятся в главе, озаглавленной «Церковь». Для основателя Opus Dei Святая Месса была привилегированным местом, где можно было ощутить общецерковный масштаб христианской молитвы; ведь именно во время Мессы ощущается тот факт, что мы все

вместе обращаемся к Богу.
Литургическая молитва, будучи
всегда личной, открывает
горизонты, выходящие за пределы
индивидуальных обстоятельств.
Если при личном размышлении
мы являемся говорящим
субъектом, то в Литургии таковым
выступает вся Церковь. Если в
диалоге наедине с Богом мы
говорим как члены Церкви, то в
литургической молитве уже
Церковь говорит через нас.

Таким образом, научиться
произносить «мы» в
литургических молитвах – это
прекрасная школа, дополняющая
различные измерения наших
отношений с Богом. В ней человек
обнаруживает себя ещё одним
ребенком в этой великой семье,
которой является Церковь.
Поэтому неудивительно
следующее ясное увещание
святого Хосемарии: «Пусть

МОЛИТВА ТВОЯ СТАНЕТ
ЛИТУРГИЧЕСКОЙ. – Говори с
Господом и текстами псалмов и
молитвами, которые звучат во
время богослужений. – Твоей душе
это даст больше, чем повторение
частных молитв»^[4]—.

Чтобы научиться литургической
молитве, необходимо смиренно
принимать от других те слова,
которые мы будем произносить.
Кроме того, требуется память
сердца, чтобы выявлять и
оценивать отношения, которые
связывают нас со всеми
христианами. В этом смысле нам
может помочь мысль о том, что
мы молимся в единстве с теми,
кто находится рядом с нами в этот
момент, а также с теми, кто
отсутствует; с христианами нашей
страны, соседних стран и всего
мира... Мы также молимся с теми,
кто предшествовал нам, и кто уже
очищается (в чистилище – прим.

перев.) или наслаждается небесной славой. Фактически литургическая молитва – не анонимная формула, она наполнена «лицами и именами»^[5]; мы соединяемся со всеми конкретными людьми, которые являются частью нашей жизни, и которые, как и мы, живут «во имя Отца, и Сына, и Святого Духа», будучи участниками жизни Троицы.

Дать тело молитве Церкви

Мы знаем, что для святого Хосемарии освящение труда заключалось не в том, чтобы чередовать работу с молитвой, но прежде всего в том, чтобы превращать в молитву само совершаемое действие, обращая внимание на то, чтобы делать его во славу Божию, стремясь при этом к человеческому совершенству, зная, что на нас с

любовью смотрит наш Небесный Отец. Подобным образом, литургическая молитва заключается прежде всего не в произнесении молитв во время литургических действий, а в совершении этих обрядовых действий *digne, attente ac devote*, – с тем достоинством, вниманием и преданностью, которых они заслуживают, – присутствуя в совершаемом. Эти обрядовые действия не только являются поводом для совершения индивидуальных актов веры, надежды и любви, но и действиями, через которые вся Церковь выражает свою веру, свою надежду и свою любовь.

Святой Хосемария придавал большое значение этому умению находиться в различных аспектах культовых действиях эту учтивость благочестия. Достоинство, которого требует

литургическая молитва, во многом связано с управлением собственным телом, поскольку в определенном смысле именно в нём впервые проявляется то, что мы хотим сделать. Совершение Святой Мессы, исповедь, приобщение к благословениям Святых Тайн и тому подобное предполагает различные движения человека, поскольку являются молитвой в действии. Таким образом литургическая молитва также подразумевает молитву телом. Более того, она означает научиться отдавать тело здесь и сейчас молитве Церкви. И это логично, ведь, хотя зачастую именно священник наделен миссией отдавать голос и руки Христу-Главе, именно собрание верующих даёт голос и видимость всему Мистическому Телу Христа. Осознание того, что через нас видна и слышна молитва святых и душ в чистилище – хороший

стимул для того, чтобы заботиться об этой учтивости благочестия.

Помимо достоинства, литургическая молитва требует внимания. В этом смысле можно сказать, что, помимо концентрации на произносимых словах, важно как можно глубже переживать момент, который мы проживаем: ясно осознавать, с кем мы, почему и для чего. Такое осознание требует предварительной подготовки, которую всегда можно улучшить. Говоря словами святого Хосемарии: «Не спеши. – Думай о том, что ты говоришь, кто это говорит и кому. Потому что скороговорка, без размышления – только шум, грохотанье жестянок. И скажу тебе вместе со святой Терезой, что я не называю этого молитвой, хотя ты и много шевелишь губами»^[6].

Встреча с каждым Лицом Троицы

Несмотря на неизбежные отвлечения, обусловленные нашей слабостью, в литургической молитве мы участвуем в таинственной, но реальной встрече всей Церкви с тремя Лицами Троицы. Поэтому очень полезно научиться различать, когда мы обращаемся к Отцу, Сыну или Святому Духу. Обычно Литургия ставит нас перед лицом Бога-Отца, с присущими Ему характеристиками, хотя мы часто обращаемся к Нему простыми словами «Бог» или «Господь». Он – источник и начало всех благословений, которые Троица изливает на этот мир, и к Нему через Его Сына возвращается вся хвала, которую способны выразить творения.

То, что мы говорим Отцу, мы говорим через Иисуса, Который не столько *перед* нами, сколько *с* нами. Слово стало плотью, чтобы привести нас к Отцу, и поэтому обнаружение Его присутствия рядом с нами как брата, который знает и не стыдится нашей слабости, наполняет нас утешением и отвагой. Более того, литургическая молитва, как публичная молитва Церкви, рождается из молитвы Иисуса. Она не только является продолжением Его молитвы, когда Он был на этой земле, но и выражает сегодня и сейчас Его ходатайство за нас на небесах (ср. Евр 7,25). Порой мы сталкиваемся с молитвами, обращёнными непосредственно к Иисусу, направляя наш взгляд на Сына как Спасителя. По этим причинам литургическая молитва – отличный способ синхронизировать своё сердце со

священническим сердцем Иисуса Христа.

Молитва же, обращённая к Отцу через Сына, совершается в Святом Духе. Осознавать присутствие третьего Лица Троицы в литургической молитве – великий дар Божий. Великий Неизвестный, как называл Его святой Хосемария, остается внешне незамеченным, как свет или воздух, которым мы дышим, однако мы знаем, что без света мы ничего не видели бы, а без воздуха задохнемся. Святой Дух действует подобным образом в литургическом диалоге. Хотя мы обычно не обращаемся к Нему, мы знаем, что Он обитает в нас, и что с невыразимыми вздохами Он побуждает нас обращаться к Отцу теми словами, которым учил нас Иисус. Таким образом Его действие проявляется не напрямую. Больше, нежели в

словах, которые мы произносим, или в том, кому мы их произносим, Дух проявляется в том, как мы их произносим: Он присутствует во вздохах, которые становятся песней, а также в молчании, которое позволяет Богу работать внутри нас.

Подобно тому, как присутствие ветра ощущается по предметам, которые он приводит в движение, мы можем разглядеть присутствие Святого Духа, когда ощущаем последствия Его действия.

Например, первым эффектом Его действия является осознание нами того, что мы молимся как дочери и сыновья Божьи в Церкви. Мы также ощущаем Его, когда Он заботится о том, чтобы Слово Божье звучало в нас не как человеческое слово, а как Слово Отца, обращённое к каждому из нас. Но прежде всего, Святой Дух проявляется в нежности и

щедрости, с которыми Отец и Сын нисходят к каждому из нас, когда в литургическом служении Они прощают, просвещают и укрепляют нас или дают нам особый дар.

Наконец, действие Святого Духа настолько сокровенно и необходимо, что именно Он делает литургическое действо истинным созерцанием Троицы, позволяя нам видеть всю Церковь и Самого Иисуса, когда органы чувств говорят нам обратное. Именно Святой Дух открывает нам, что душой литургической молитвы является не формальное произнесение ряда слов или исполнение внешних движений, а любовь, с которой мы искренне желаем служить и позволяем служить себе. Святой Дух делает нас причастными к Своей личной тайне, когда мы учимся наслаждаться Богом, Который

нисходит, чтобы служить нам, чтобы мы впоследствии могли служить другим.

Я жил Евангелием

Неудивительно, что один из терминов, наиболее часто используемых в Писании и Предании по отношению к литургическим действиям – «служение». Открытие этого измерения служения в литургической молитве имеет множество последствий для внутренней духовной жизни. Не только потому, что тот, кто служит из любви, не ставит себя в центр, но и потому, что восприятие Святой Мессы как служения – это ключ к претворению её в жизнь. Хотя это кажется парадоксальным, но во многих молитвах, которые мы обнаруживаем в литургических текстах, мы находим призыв подражать в

обычной жизни тому, что мы делали во время Богослужения. Этот призыв не означает, что мы должны распространить литургический язык на наши семейные и профессиональные отношения. Напротив, он означает превратить в жизненную программу то, что обряд позволил нам созерцать и пережить^[7]. Вот почему святой Хосемария не раз размышляя о действии Божьем в течение дня, восклицал: «Воистину, я жил Евангелием этого дня!»^[8].

Чтобы жить Литургией дня и таким образом преобразовывать наш день в служение, в круглосуточную Мессу, необходимо рассматривать наши личные обстоятельства в свете совершённого во время Литургии. В этом деле незаменимы личное размышление и молитва. Святой Хосемария обычно записывал

слова и выражения, поразившие его во время Мессы или Литургии часов, и однажды он написал: «Я больше не буду записывать ни одного псалма, потому что мне следовало бы записать их все, так как во всех них нет ничего, кроме чудес, которые видит душа, когда служит Богу»^[9]. Это правда, что литургическая молитва является источником личной молитвы, но также верно и то, что без личного размышления и молитвы очень трудно лично усвоить всё богатство литургической молитвы.

Именно в тишине, один на один с Богом, формулы литургической молитвы обычно приобретают личную и сокровенную силу. В этом смысле очень ярким является пример Девы Марии: Она учит нас, что для того, чтобы претворить в жизнь *fiat* (лат. «Да будет») Литургии, превратить его

в служение, необходимо уделять время тому, чтобы лично хранить «все слова сии, слагая в сердце Своём» (Лк 2,19).

Хуан Рего

[1] Ср. «Учащийся общежития DYA. Письма Эмилиано Аманна своей семьей (1935-1936)», опубликованы в *Studia et Documenta*, том 2, 2008, с. 343.

[2] Генеральный архив Прелатуры, 77-5-3.

[3] *Apuntes íntimos*, п. 1590, 26-X-1938. Цитируется в «Пути». Критическо-историческое издание, Издательство Rialp, Мадрид, 2004, с. 677.

[4] Святой Хосемария, *Путь*, п. 86.

[5] Франциск, ап. увещ. *Evangelii gaudium*, п. 274.

[6] Святой Хосемария, *Путь*, п. 85.

[7] Ср. Святой Хосемария, *Христос проходит рядом*, п. 88.

[8] Тетрадь IV, п. 416, 26-XI-1931.
Цитируется в «Пути». Критическо-историческое издание, с. 298.

[9] Тетрадь V, п. 681, 3-IV-1932.
Цитируется в «Пути». Критическо-историческое издание, с. 297.